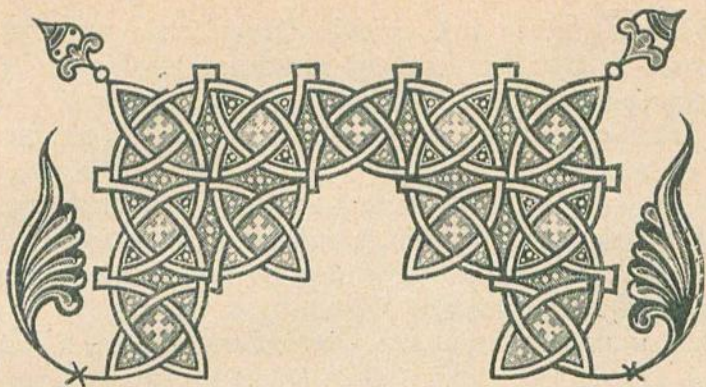

Чудесная прялка.

I.

ь нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ и царствовалъ царь Тадаушъ.

Царь Тадаушъ былъ вдовецъ.

Но послѣ смерти жены у него осталась дочь.

Звали ее Ира.

Царевна Ира занималась хозяйствомъ и подрастала, помогая отцу въ его дѣлахъ.

Когда царевнѣ Ирѣ исполнилось 17 лѣтъ, царь Тадаушъ рѣшилъ ее выдать замужъ.

И вотъ изъ его царства во всѣ сосѣднія царства и княжества полетѣли гонцы.

Царь Тадаушъ рѣшилъ сдѣлать маленькую хитрость.

По его приказанію гонцы должны были пригласить къ нему всѣхъ сосѣднихъ царей съ ихъ сыновьями на пиръ, который онъ якобы устраивалъ по случаю именинъ своей дочери.

На этомъ пиру онъ хотѣлъ показать дочери всѣхъ царевичей, чтобы она могла изъ нихъ выбрать себѣ достойнаго мужа.

И вотъ со всѣхъ концовъ къ царству Тадауша стали стекаться гости.

Одинъ за другимъ вѣзжали они въ столицу, окруженные пышными свитами, въ великолѣпныхъ раззолоченныхъ коляскахъ и верхами, сверкая дорогимъ оружіемъ и роскошными костюмами.

Весь народъ высыпалъ смотрѣть на этотъ пышный сѣздъ.

Въ своемъ великолѣпномъ дворцѣ царь Тадаушъ приветливо встрѣчалъ гостей и подъ звуки музыки вводилъ ихъ въ свои роскошные покои.

Мало-по-малу къ Тадаушу сѣхались, наконецъ, всѣ гости.

И тогда во дворцѣ начался великолѣпный пиръ.

Чего, чего только не приготовили повара царя Тадауша. Кушанья подавались за кушаньями.

Виночерпни наливали гостямъ лучшія заморскія вина, а прекрасный царскій оркестръ услаждалъ слухъ гостей.

Царевна Ира тоже присутствовала на пиру и сидѣла рядомъ съ отцомъ.

До этой поры никто изъ гостей не видѣлъ царевны, потому что до сихъ поръ царевна Ира очень рѣдко выходила изъ дворца и нигдѣ не бывала.

Зато теперь, когда гости увидѣли царевну, всѣ самымъ искреннимъ образомъ восторгались ея красотой.

Каждый изъ царевичей хотѣлъ бы назвать ее своею женой.

И, когда кончился пиръ, всѣ наперсбой стали просить у царя Тадауша руки его дочери.

Но царь Тадаушъ рѣшилъ сдѣлать испытаніе.

Онъ хотѣлъ устроить турниръ*) и отдать дочь за того, кто окажется бы побѣдителемъ на этомъ турнирѣ.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

*) Турниръ—поединокъ рыцарей.

Онъ приказалъ приготовить все необходимое на большой площади около дворца, и когда все было готово, онъ вмѣстѣ съ дочерью и со всѣми гостями вышелъ на площадь, гдѣ для нихъ уже были приготовлены мѣста.

Турниръ начался.

Всѣ тѣ, кто добивался руки царевны Иры, одѣли шлемы и латы, сѣли на коней и, вооружившись щитами и копьями, стали биться другъ съ другомъ.

Царь Тадаушъ и царевна Ира съ любопытствомъ слѣдили за боемъ.

Хотя хорошо бились всѣ царевичи, но лучше всѣхъ и ловчѣе всѣхъ былъ царевичъ Иванъ.

Никто не могъ справиться съ нимъ и каждый разъ, когда противъ него выѣзжалъ кто-нибудь изъ царевичей, онъ ловко выбивалъ его изъ сѣдла.

Сильно билось сердечко царевны Иры, когда ея взоръ падалъ на Ивана-царевича.

Не только мужествомъ и ловкостью отличался Иванъ-царевичъ, но и красотою превосходилъ онъ всѣхъ.

И каждый разъ, когда Иванъ-царевичъ выбивалъ изъ сѣдла своего противника, царевна Ира вспыхивала румянцемъ и стыдливо потупляла глаза.

Но вотъ, наконецъ, Иванъ-царевичъ побѣдилъ послѣдняго изъ своихъ соперниковъ, и царь Тадаушъ подъ звуки трубъ и литавровъ подвелъ его къ своей дочери.

Никто не замѣтилъ въ это время маленькаго невзрачнаго человѣчка, стоявшаго за народомъ, окружавшимъ площадь.

Никто не замѣтилъ, какъ злобно смотрѣлъ онъ на царя Тадауша и на прекрасную царевну Иру.

Нужды нѣтъ, что этотъ невзрачный человѣкъ былъ такой смѣшной на видъ.

Несмотря на свою невзрачную наружность, онъ обладалъ могущественной силой, передъ которой трепетали всѣ.

Всѣ дрожали передъ злымъ колдуномъ Радаемъ.

И теперь злой колдунъ Радай явился на состязаніе, чтобы отмстить царю Тадаушу.

Уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ злой Радай затаилъ въ своемъ сердцѣ злобу противъ царя Тадауша.

А золь онъ былъ на него за то, что царь Тадаушъ въ припадкѣ гнѣва однажды выгналъ его изъ своего дворца, въ которомъ онъ до тѣхъ поръ жилъ.

Конечно, со стороны царя Тадауша это было непростительной ошибкой.

Могучій колдунъ давно могъ бы отомстить царю Тадаушу, но онъ не хотѣлъ этого дѣлать раньше, желая отомстить Тадаушу тогда, когда это будетъ для него всего больнѣе.

И, наконецъ, давно жданный часъ насталъ.

Громко гремѣли трубы и литавры, когда царь Тадаушъ соединилъ руки Ивана-царевича и царевны Иры.

Уже всѣ гости наперебой спѣшили поздравить жениха и невѣсту, когда вдругъ небо заволокло черными тучами, рванулся вѣтеръ и поднялъ цѣлые столбы пыли и песку.

Въ ужасѣ всѣ бросились ко дворцу.

Народъ кинулся во всѣ стороны и лишь могучій Радай стоялъ теперь на своемъ мѣстѣ, творя заклинанія.

Какъ ни силенъ былъ Иванъ-царевичъ, но и его опрокинуло вдругъ вѣтромъ.

А когда онъ, наконецъ, поднялся на ноги и оглянулся кругомъ себя, онъ увидалъ, что царевны Иры нѣтъ возлѣ него.

Напрасно звалъ и искалъ онъ ее.

Буря стихла такъ же быстро, какъ и налетѣла, исчезли черныя облака и злой колдунъ Радай.

Пришелъ въ себя и царь Тадаушъ.

Но только тщетно всѣ старались найти царевну Иру.

Гости и слуги метались по всей площади, искали въ саду и во дворцѣ, но царевны нигдѣ не было.

Горько заплакалъ царь Тадаушъ.

— Моя дочь, гдѣ моя дочь?—восклиналъ онъ горестно.

Но въ этотъ моментъ къ нему подошелъ Иванъ-царевичъ.

— Я долженъ отыскать царевну,—проговорилъ онъ

рѣшительнымъ голосомъ.—Благослови меня на подвигъ. И если мнѣ пришлось бы даже погибнуть, я охотно сдѣлалъ бы это во имя моей невѣсты.

Не долго думая, Иванъ-царевичъ вскочилъ на коня, опоясался мечомъ, взялъ въ руки копьё и щитъ и поскакалъ въ путь.

II.

Долго ѣхалъ Иванъ-царевичъ.

Онъ не зналъ куда ему ѣхать и скакалъ наугадъ.

То дремучими лѣсами, то широкими полями ѣхалъ онъ день и ночь и останавливался только для того, чтобы немного покормить своего коня.

Труденъ былъ его путь, но мужественный царевичъ храбро переносилъ всѣ невзгоды.

Такъ ѣхалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ въ дремучемъ лѣсу сѣраго зайца.

Увидѣлъ Иванъ-царевичъ сѣраго зайца и подумалъ о томъ, что хорошо было бы убить его и зажарить.

Нагнулъ Иванъ-царевичъ свое длинное копьё, далъ шпоры коню и понесся за сѣрымъ зайцемъ.

Уже совсѣмъ нагналъ онъ сѣраго зайца, уже взмахнулъ было копьёмъ, чтобы убить его, какъ вдругъ сѣрый заяцъ прыгнулъ въ сторону, сѣлъ на заднія лапки и заговорилъ человѣческимъ голосомъ:

— Пожалѣй меня, Иванъ-царевичъ. Не убивай меня, и за это я сослужу тебѣ службу.

Удивился Иванъ-царевичъ, услыхавъ отъ зайца человѣческую рѣчь.

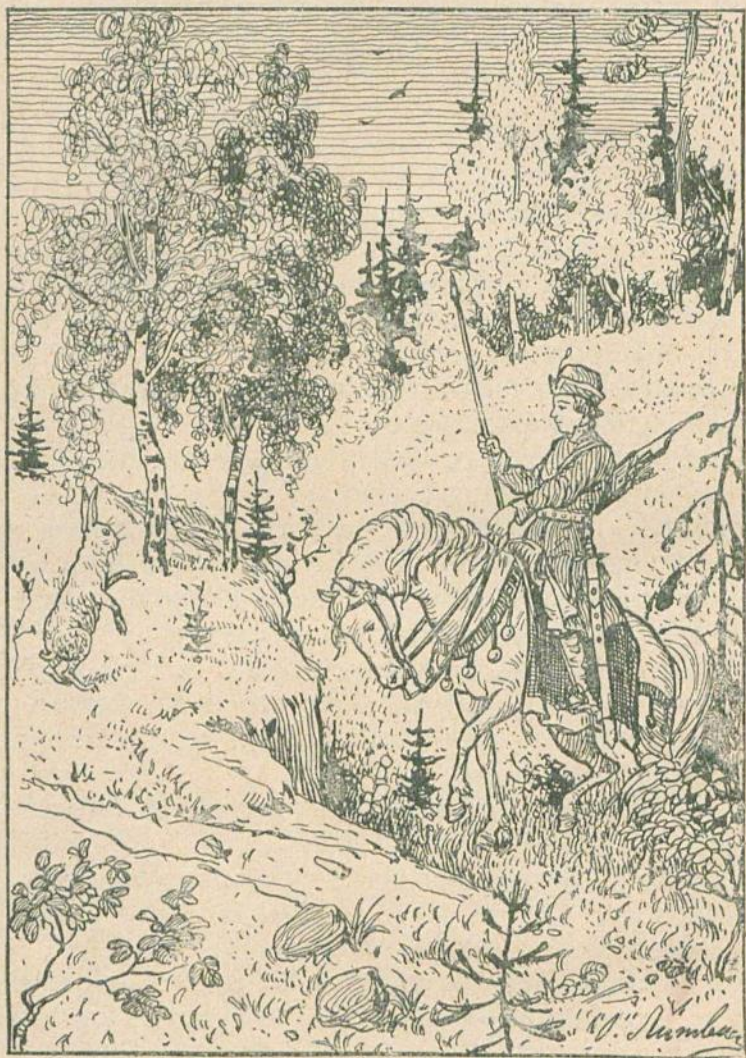
А заяцъ между тѣмъ продолжалъ:

— У меня, Иванъ-царевичъ, въ норкѣ есть маленькія дѣтки и, если ты меня убьешь, они умрутъ съ голоду.

Ивану-царевичу стало жалко сѣраго зайца.

— Хорошо,—проговорилъ онъ,—хотѣлъ я тебя убить, потому что мнѣ очень хочется ѣсть. Но теперь будь покоенъ, я не трону тебя. Бѣги себѣ къ своимъ дѣткамъ и живи на здоровье.

— Спасибо тебѣ, Иванъ-царевичъ, — сказали сѣрый заяцъ. — Да только долгъ платежемъ красенъ. Пощадилъ

ты мою заячью жизнь, а я за это и тебѣ службу сослужу. Знаю я твое горе.

Удивился Иванъ-царевичъ такому чуду.

— Кто ты, сѣрый заяцъ? Почему ты говоришь человѣческимъ голосомъ и откуда ты знаешь о моемъ горѣ?

— Не могу я пока отвѣтить тебѣ на это, — отвѣтилъ сѣрый заяцъ. — Быть можетъ, наступитъ когда-нибудь время, когда ты узнаешь все, а теперь слушай меня внимательно. Знаю я, что сдѣлалъ злой Радай съ прекрасной царевной.

Взволновался Иванъ-царевичъ.

— Скажи же мнѣ скорѣй, гдѣ она! — воскликнулъ онъ.

Сѣрый заяцъ печально потрясъ своими длинными ушами.

— Къ сожалѣнію мнѣ не дано право говорить это, но одно я могу тебѣ сказать: для того, чтобы спасти царевну, надо найти чудесную прялку.

— Что же это за чудесная прялка? — воскликнулъ Иванъ-царевичъ. — Скажи мнѣ, какъ ее найти, и я постараюсь добыть ее, хотя бы мнѣ пришлось поплатиться жизнью! Но скажи мнѣ также, сѣрый заяцъ, что долженъ буду дѣлать я съ этой прялкой.

— Далеко, далеко отсюда находится эта прялка, — говорилъ сѣрый заяцъ. — За сорока желѣзными дверями, за сорока тяжелыми замками спрятана она злымъ колдуномъ Радаемъ. Крѣпкой стражей и большимъ дракономъ о семи головахъ охраняется она. Чудеснымъ свойствомъ обладаетъ эта прялка. Если дотронуться ею до пряжи, она сама спрядетъ ее въ нити. Если дотронуться ею до куска серебра, она спрядетъ тебѣ серебряныя нити, если дотронуться ею до куска золота, нити выйдутъ золотыя. Но есть у прялки и еще одно чудесное свойство, но этого свойства я не имѣю права сказать. Все, что я могу тебѣ еще сказать, такъ это то, чтобы ты ѣхалъ къ моему другу, бурому мишкѣ. Выдерни у меня изъ спины клочъ моей шерсти и, когда ты придешь къ бурому мишкѣ, покажи ему этотъ клочъ, расскажи ему свою исторію и скажи, что я тебя послалъ къ нему. И если тебѣ удастся добыть волшебную прялку, позови меня.

Отъ души поблагодарилъ Иванъ-царевичъ сѣраго зайца и поѣхалъ дальше.

Два дня ѣхалъ онъ куда глаза глядятъ и, наконецъ, доѣхалъ до медвѣжьей берлоги.

Рявкнулъ было медвѣдь, увидавъ Ивана-царевича, и хотѣлъ было броситься на него, но Иванъ-царевичъ показалъ ему клокъ шерсти зайца, и въ ту же минуту сердитый мишка успокоился.

— Что тебѣ нужно?—такъ же, какъ и сѣрый заяцъ, заговорилъ онъ человѣческимъ голосомъ.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ отъ твоего друга и прошу тебя рассказать мнѣ, гдѣ находится волшебная прялка и какъ мнѣ ее добыть,—отвѣтилъ Иванъ-царевичъ.

Съ этими словами онъ подробно рассказалъ бурому мишкѣ всю свою исторію.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что не убилъ сѣраго зайца,—проговорилъ, выслушавъ его, Мишка.—И если бы ты сдѣлалъ это, ничто бы не помогло твоему несчастью.

Обрадовался Иванъ-царевичъ.

— Скажи же мнѣ скорѣе, гдѣ находится чудесная прялка,—сталъ онъ просить бурого Мишку.

— Я не могу тебѣ сказать этого,—отвѣтилъ бурый медвѣдь.—Но зато я могу указать тебѣ дорогу.

— Гдѣ же эта дорога?—спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Семь дней будешь ѣхать ты на востокъ дремучимъ лѣсомъ,—заговорилъ Мишка,—пока не пріѣдешь, наконецъ, къ большому дворцу, гдѣ живетъ могучій великанъ Падасть.

— И у этого великана хранится волшебная прялка?—спросилъ обрадованный Иванъ-царевичъ.

Бурый Мишка отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.—Этотъ великанъ только укажетъ тебѣ дальнѣйшій путь. Но для этого тебѣ придется вступить съ нимъ въ бой. И если тебѣ удастся побѣдить его, то онъ тебѣ укажетъ путь, которымъ ты долженъ ѣхать.

И немного помолчавъ, Мишка добавилъ:

— А теперь зайди ко мнѣ въ берлогу, покушай на дорогу и тогда поѣзжай.

Спрыгнувъ Иванъ-царевичъ съ коня, пустилъ его пастись, а самъ пошелъ въ гости къ медвѣдю.

Славно накормилъ его медвѣдь.

Онъ угостилъ Ивана-царевича дикой олениной, разной

дичью и сочной малиной, и Иванъ-царевичъ, поблагодаривъ его, поскакалъ дальше.

III.

Долго ѣхалъ онъ дремучимъ лѣсомъ.

Иногда ему преграждали путь широкія рѣки и озера.

Но Иванъ-царевичъ и его добрый конь не смущались ничѣмъ.

Они хорошо справлялись съ препятствіями.

Они переплывали рѣки, озера и подвигались все дальше и дальше.

Труденъ былъ путь.

Но какъ ни труденъ былъ онъ, Иванъ-царевичъ доѣхалъ, наконецъ, до широкой поляны, посреди которой стоялъ дворецъ великана.

Еще издали услышалъ грозный Падасъ конскій топотъ.

— Кто смѣлъ нарушить мой покой?—громко крикнулъ онъ, выбѣгая изъ дому и вынимая изъ ноженъ свой огромный мечъ.

Но Иванъ-царевичъ ничуть не испугался его громового голоса.

— Не кричи такъ громко. Я не маленькая собаченка, чтобы испугаться твоего голоса,—храбро отвѣтилъ Иванъ-царевичъ.

— Вотъ какъ,—съ хохотомъ проговорилъ великанъ.—Видно, придется мнѣ поучить тебя уму-разуму.

Съ этими словами огромный Падасъ бросился на Ивана-царевича.

Быстро схватилъ Иванъ-царевичъ свой тугой лукъ, вложилъ въ него каленую стрѣлу, натянулъ тетеву и пустилъ въ великана стрѣлу.

Со свистомъ понеслась по воздуху стрѣла и вонзилась въ грудь великана, прежде чѣмъ онъ успѣлъ добѣжать до Ивана-царевича.

Застоналъ грозный Падасъ, выронилъ изъ руки мечъ и упалъ на землю.

Подскакаль Иванъ-царевичъ къ раненому великану, соскочилъ съ коня, выхватилъ свой мечъ и хотѣлъ было уже отрубить великану голову.

Но великанъ сталъ умолять его о пощадѣ.

— Не губи ты меня, Иванъ-царевичъ,—сталъ просить великанъ.— Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ этомъ лѣсу, гдѣ хранилъ вѣренную мнѣ тайну. Но теперь ты побѣдилъ меня и теперь я могу сказать тебѣ, что ты долженъ дѣлать.

— Я не трону тебя, если ты скажешь мнѣ свою тайну,—отвѣтилъ Иванъ-царевичъ.

— Поѣзжай отсюда снова на востокъ, — заговорилъ великанъ.— Шесть дней и шесть ночей долженъ ѣхать ты и, наконецъ, доѣдешь до широкой пропасти. Никто не можетъ перебраться черезъ эту пропасть, потому что она очень широка и стѣны у нея отвѣсныя. Но я дамъ тебѣ хлысть. Этотъ хлысть обладаетъ чудесной силой. И если ты дотронешься имъ до своего коня, твой конь перепрыгнетъ черезъ пропасть, ты увидишь большую пещеру. Въ этой пещерѣ живетъ чудище Обжора. И если тебѣ удастся его накормить, то онъ расскажетъ тебѣ, гдѣ находится волшебная прялка. Но если тебѣ не удастся этого сдѣлать онъ сожретъ тебя самого съ твоею лошадыю.

Призадумался Иванъ-царевичъ.

— Чѣмъ же я могу накормить его?—спросилъ онъ.

— Чудище Обжора очень любитъ мясо дикихъ козъ,—сказалъ великанъ.— И по пути тебѣ нужно будетъ набить ихъ очень много.

— Но какъ же я довезу этихъ козъ?—спросилъ Иванъ-царевичъ.— Развѣ хватить у моего коня силы дотащить ихъ?

— Я помогу твоему горю,—проговорилъ великанъ.— И за то, что ты пощадилъ мою жизнь, я дамъ тебѣ телѣгу-самокатку, которая сама покатится за тобою. Эта телѣга имѣетъ еще то волшебное свойство, что можетъ поднимать какія угодно тяжести.

Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ раненаго великана, вынулъ изъ его груди свою стрѣлу, перевязалъ ему раны

и, взявъ у него хлысть и телѣгу-самокатку, поскакалъ дальше.

Скачетъ Иванъ-царевичъ по полямъ и лѣсамъ, а телѣга катится за нимъ.

Катится телѣга по лѣсамъ, а деревья сами разступаются передъ нею, словно живыя.

Скачетъ Иванъ-царевичъ и охотится время отъ времени.

Убьетъ козу и кинетъ ее на телѣгу.

Кинетъ и скачетъ дальше.

Семь дней и семь ночей ѣхалъ онъ, охотясь по временамъ на дикихъ козъ, и, наконецъ, подѣхалъ къ пропасти.

Ударилъ онъ хлыстомъ своего добраго коня, и конь его вдругъ взвился на воздухъ и мигомъ перелетѣлъ черезъ огромную пропасть.

А чудесная телѣга въ ту же секунду сама перенеслась черезъ пропасть за Иваномъ-царевичемъ.

Пятьдесятъ дикихъ козъ успѣлъ набить за время своего пути Иванъ-царевичъ.

Услыхало чудище Обжора конскій топотъ и стукъ олесь и выползло изъ пещеры.

— Кто это отважился подѣхать къ моему жилищу?— сердито закричало чудище.—А впрочемъ сегодня мнѣ придется хорошо пообѣдать.

— Погоди горячиться, — крикнулъ Иванъ-царевичъ, храбро подѣзжая къ страшному чудищу.— Не съ злымъ намѣреніемъ пріѣхалъ я къ тебѣ, а пріѣхалъ, чтобы покормить тебя.

— Покормить?— разсмѣялось чудище.— Чѣмъ же ты будешь меня кормить?

— Я привезъ тебѣ твоихъ любимыхъ козъ и хотѣлъ тебя просить, чтобы ты показалъ мнѣ дорогу къ чудесной прялкѣ,—отвѣтилъ Иванъ-царевичъ.

— Хорошо, — отвѣтило чудище.— Да только, чуръ, уговоръ.

— Говори,—храбро сказалъ Иванъ-царевичъ.

— Если ты накормишь меня досыта, я укажу тебѣ дорогу,—проговорило чудище.— А если тебѣ не удастся

накормить меня до отвалу, я сожру и тебя съ твоимъ конемъ.

Страшно голодно было чудище Обжора.

Какъ увидало оно дикихъ козъ, такъ даже затряслось отъ нетерпѣнія.

Схватило оно одну козу, живо содрало съ нее шкуру и стало жрать.

Сразу полъ-козы откусило и въ одинъ мигъ прогло-тило, словно это былъ маленькій кусочекъ мяса.

Жретъ чудище одну козу за другой, а Иванъ-царевичъ только диву дается.

Никогда онъ не видалъ ничего подобнаго.

Вотъ чудище съѣло десять козъ, пятнадцать, двадцать, а все никакъ не можетъ насытиться.

Такъ и хрустятъ его огромные зубы.

Наконецъ, на Ивана-царевича страхъ напалъ:

А вдругъ да нехватитъ чудищу привезенной добычи. Уже сорокъ козъ пожрало чудище, уже горой разду-лось отъ ѣды, а все еще жретъ.

Но вотъ, наконецъ, Иванъ-царевичъ замѣтилъ, что чудище начинаетъ жрать все лѣнивѣе и лѣнивѣе.

Оно все чаще и чаще стало переводить духъ, отду-валось и кряхтѣло.

Одна коза всего осталась на телѣгѣ, когда чудище вдругъ повалилось на землю, тяжело дыша и еле пере-водя духъ.

— Ну, Иванъ-царевичъ, спасибо тебѣ, — прохрипѣло чудище. — Давно я не обѣдалъ такъ сытно. Можешь и ты полакомиться оставшейся козой, а я пока вздремну. Разбуди меня черезъ часикъ и я расскажу тебѣ то, что тебѣ нужно.

Послушался Иванъ-царевичъ и принялся жарить коз-лятину, а чудище Обжора захрапѣло такъ, что стонъ пошелъ по полю.

Зашелъ Иванъ-царевичъ въ пещеру чудища, досталъ тамъ себѣ хлѣба и закусилъ на славу. А потомъ сталъ будить чудище.

Закряхтѣло чудище, открыло глаза, только подняться

не можетъ.

— Ну, ужъ извини меня, что лежа говорить буду,— захрипѣло чудище.—И слушай меня внимательно. Видишь ты эту дорогу, которая вьется по полю?

— Вижу,—отвѣтилъ Иванъ-царевичъ.

— Вотъ по этой-то дорогѣ тебѣ и надо будетъ ѣхать,— заговорило чудище.—И будешь ты ѣхать по ней сорокъ дней. Черезъ сорокъ дней пріѣдешь ты къ большому замку, окруженному высокими стѣнами. Хотя и открыты будутъ ворота замка да трудно будетъ тебѣ попасть въ нихъ, потому что ходъ въ ворота стережетъ шестиголовый драконъ. Конечно, тебѣ не одолѣть его будетъ твоимъ мечемъ. Но когда ты подъѣдешь къ замку, свистни громко три раза. На этотъ свистъ къ тебѣ слетятся двѣнадцать ласточекъ. Расскажи имъ, что ты пріѣхалъ къ нимъ отъ чудища Обжоры, и онѣ научатъ тебя, какъ надо дѣйствовать дальше. А теперь поѣзжай дальше, потому что мнѣ лѣнь говорить и очень хочется спать.

Поблагодарилъ Иванъ-царевичъ чудище Обжору, пообѣщалъ ему накормить его еще разъ на обратномъ пути и поскакалъ дальше.

Долго и тяжело на этотъ разъ былъ его путь.

Но Иванъ-царевичъ не замѣчалъ усталости и думалъ только о томъ, какъ бы ему достать наконецъ волшебную прялку.

Сорокъ дней и сорокъ ночей ѣхалъ онъ по таинственной дорогѣ, не встрѣчая ни людей, ни звѣрей, и, наконецъ, доѣхалъ до таинственного замка.

Это былъ огромный мрачный замокъ, обнесенный толстыми и высокими каменными стѣнами.

Эти стѣны были такъ высоки, что перебраться черезъ нихъ не было никакой возможности.

Изъ лѣсной чащи Иванъ-царевичъ увидѣлъ открытыя ворота замка, передъ которыми лежалъ на землѣ шестиголовый драконъ.

Пять головъ чудовища мирно спали, а шестая голова стояла на стражѣ.

Не показываясь изъ лѣсу, чтобы чудовище не увидѣло

его раньше времени, Иванъ-царевичъ громко свистнулъ три раза.

Въ ту же секунду двѣнадцать быстрыхъ ласточекъ слетѣлись къ нему и сѣли у него на плечахъ.

Иванъ-царевичъ разсказалъ имъ свою исторію и, повѣдавъ имъ, что пріѣхалъ сюда отъ чудища Обжоры, попросилъ совѣта.

— Хорошо, Иванъ-царевичъ,—сказала ему самая большая ласточка.—Мы поможемъ тебѣ въ твоёмъ горѣ.

— Какъ же вы, маленькія ласточки, сможете помочь мнѣ?—спросилъ Иванъ-царевичъ.

— Добрая фея давно предсказала намъ твой приходъ,—заговорила самая большая ласточка.—Эта фея не могла разрушить чаръ грознаго колдуна Радая, но въ тотъ моментъ, когда грозный Радай нагналъ на всѣхъ васъ ураганъ, она невидимо коснулась тебя рукою, и благодаря этому прикосновенію, лишь одному тебѣ на всемъ свѣтѣ, далась возможность пріѣхать сюда, а намъ помочь тебѣ. Никому другому на свѣтѣ, кромѣ тебя, котораго коснулась рука феи, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Радай произносилъ свои заклинанія, мы не имѣли права повиноваться и помогать. До сихъ поръ мы не имѣли права и возможности подлетать близко къ чудовищу дракону. Но съ пріѣздомъ тебя, котораго въ самую нужную минуту коснулась рука феи, мы получили это право. Бери свой лукъ и пусти стрѣлу въ бѣлое пятнышко подъ шеями дракона. Его можно убить только тогда, если однимъ разомъ ослѣпить всѣ его глаза и попасть одновременно чѣмъ-нибудь острымъ въ это бѣлое пятно.

Съ этими словами ласточки вдругъ вспорхнули на воздухъ, а Иванъ-царевичъ, соскочивъ съ коня и захвативъ свой лукъ и каленую стрѣлу, вышелъ изъ лѣсу.

Сторожевая голова дракона сразу увидѣла его.

Она издала грозное шипѣнье.

И моментально проснулись всѣ спавшія головы.

Страшный драконъ вдругъ зашипѣлъ всѣми своими шестью головами, поднявъ высоко свои длинныя шеи.

Глаза его налились кровью и онъ, весь горя отъ ярости,

устремился на Ивана-царевича, готовый уничтожить его.

Иванъ-царевичъ спустилъ тетиву, и каленая стрѣла, пролетѣвъ по воздуху, вонзилась въ бѣлое пятно подъ шеями дракона.

Въ эту же секунду двѣнадцать ласточекъ разомъ бросились къ головамъ дракона и съ полета ударили своими клювами въ его двѣнадцать глазъ.

Судорожно забился драконъ.

Его шесть могучихъ головъ вдругъ безсильно опустились внизъ и черезъ нѣсколько минутъ жизнь покинула его страшное тѣло.

Въ эту секунду совершилось и другое чудо.

Лишь только драконъ испустилъ свой послѣдній вздохъ, какъ всѣ двѣнадцать ласточекъ вдругъ превратились въ двѣнадцать молодыхъ витязей, которые теперь бросились радостно къ Ивану-царевичу и стали благодарить его за свое избавленіе.

Всѣ они много лѣтъ тому назадъ были заколдованы злымъ Радаемъ, и колдовство это должно было имѣть силу до тѣхъ поръ, пока живъ былъ драконъ. Двѣ тысячи лѣтъ полагалось жить страшному дракону и двѣ тысячи лѣтъ продолжались бы чары Радая, если бы Иванъ-царевичъ не разрушилъ ихъ.

Вмѣстѣ съ рыцарями вошелъ Иванъ-царевичъ въ замокъ, въ которомъ хранилась волшебная прялка.

Теперь эту прялку отдѣляли отъ нихъ сорокъ желѣзныхъ дверей и сорокъ тяжелыхъ замковъ, которые нельзя было перерубить никакими мечами, несмотря на всѣ старанія Ивана-царевича.

Долго бился Иванъ-царевичъ, но ничего не выходило.

И вдругъ Ивану-царевичу пришла въ голову новая мысль.

Если шестиглавый драконъ сторожилъ входъ въ замокъ, то не сторожилъ ли онъ и ключи отъ этихъ дверей?

Подошелъ Иванъ-царевичъ къ убитому дракону и сталъ рубить его тѣло своимъ мечемъ.

Долго рубилъ онъ огромное чудовище, пока не разрубилъ его пополамъ.

И вдругъ Иванъ-царевичъ увидѣлъ большой ключъ, выпавшій изъ окровавленнаго чрева чудовища.

Схватилъ Иванъ-царевичъ ключъ и лишь только онъ отперъ первый замокъ, какъ тяжелая желѣзная дверь сама распахнулась передъ нимъ.

Одна за другою открылись передъ Иваномъ-царевичемъ всѣ сорокъ дверей.

Одну за другою прошелъ Иванъ-царевичъ сорокъ комнатъ, наполненныхъ несмѣтными богатствами.

Куда ни падалъ его взоръ, онъ видѣлъ груды золота и серебра, роскошныя вещи, усыпанныя драгоцѣнными камнями, великолѣпныя вазы и дорогіе ковры.

Все такъ и сіяло въ этихъ комнатахъ.

Наконецъ, Иванъ-царевичъ открылъ сороковую дверь.

Открывъ ее, онъ вошелъ въ маленькую комнатку, гдѣ увидалъ на золотой табуреткѣ простенькую острую прялку, которая ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ прялокъ.

Но и теперь, овладѣвъ волшебной прялкой, Иванъ-царевичъ не зналъ, что надо съ нею дѣлать.

Но тутъ онъ внезапно вспомнилъ про просьбу сѣраго зайца дать ему знать, когда онъ добудетъ чудесную прялку.

Спрятавъ прялку у себя на груди, онъ принялся за работу.

Вмѣстѣ съ освобожденными витязями онъ наложилъ все богатство, найденное въ замкѣ на свою чудесную телегу, и когда работа была окончена, отправился въ обратный путь, сопровождаемый двѣнадцатью витязями.

Сорокъ дней и сорокъ ночей ѣхали они, пока, наконецъ не добрались до чудища Обжоры.

Иванъ-царевичъ не забылъ своего обѣщанія.

По дорогѣ онъ настрѣлялъ изъ своего мѣткаго лука шестьдесятъ дикихъ козъ, и когда чудище Обжора вылѣзло къ нему, сердито рыча навстрѣчу, онъ быстро успокоилъ его.

Задрожало отъ нетерпѣнія чудище Обжора.

Накинулось оно на козъ и давай ихъ обдирать и жрать.

На этотъ разъ чудище было еще голоднѣе, чѣмъ въ прошлый разъ, и привезенныя козы быстро исчезали одна за другою въ его огромной пасти.

Только послѣ пятидесятой козы страшное чудище стало тяжело дышать и пыхтѣть.

Но вотъ оно стало ѣсть все медленнѣе и медленнѣе и окончательно обезсилѣло, когда въ его пасти исчезло пятьдесятъ девять козъ.

Уже совсѣмъ не могло больше жрать чудище, но жадность на этотъ разъ одолѣла его.

Чудище натужилось, проглотило послѣднюю козу, но съ натуги лопнуло и околѣло.

Въ его пещерѣ Иванъ-царевичъ нашелъ тоже немалыя богатства и, захвативъ ихъ съ собою, отправился въ дальнѣйшій путь.

Чудесная телѣга катилась за нимъ.

Но вотъ широкая бездна преградила имъ путь.

Иванъ-царевичъ приказалъ витязямъ сѣсть на чудесную телѣгу и поставить на нее своихъ лошадей, ударилъ коня своимъ волшебнымъ хлыстомъ и мигомъ перелетѣлъ черезъ пропасть.

Слѣдомъ за нимъ перелетѣла черезъ пропасть и его елѣга.

Долго ли, коротко ли Иванъ-царевичъ добрался, наконецъ, и до жилища великана.

На этотъ разъ огромный великанъ не выскочилъ изъ своего жилища, а навстрѣчу Ивану-царевичу вышелъ молодой красивый юноша, одѣтый въ дорогіе доспѣхи.

— Ты не узналъ меня, Иванъ-царевичъ? — весело спросилъ онъ его. — Вѣдь это я былъ тѣмъ самымъ грознымъ великаномъ, съ которымъ ты когда-то сражался. Я такой же царевичъ, какъ и ты, но меня заколдовалъ злой Радай и чары спали съ меня какъ разъ въ ту минуту, когда лопнуло чудище Обжора. Спасибо тебѣ, что ты спасъ меня.

Крѣпко обнялись оба царевича и поѣхали дальше.

Семь дней и семь ночей ѣхали они, пока, наконецъ, не доѣхали до берлоги бураго медвѣдя.

Страшно обрадовался бурый медвѣдь, увидавъ Ивана-царевича.

— Скорѣе, скорѣе спѣши къ сѣрому зайцу, — закричалъ онъ, выбѣгая навстрѣчу Ивану-царевичу. — Сейчасъ ты ничѣмъ не можешь помочь мнѣ. Но потомъ не забудь про меня и вернись ко мнѣ.

Иванъ-царевичъ, не теряя минуты, поскакалъ въ тотъ лѣсъ, въ которомъ онъ когда-то встрѣтилъ сѣраго зайца. Дологъ и утомителенъ былъ путь.

Но теперь Иванъ-царевичъ не замѣтилъ, какъ проѣхалъ его.

Пріѣхавъ въ тотъ лѣсъ, гдѣ онъ когда-то встрѣтилъ сѣраго зайца, онъ сталъ громко звать длинноухаго скакуна.

Но лишь только раздался его призывной крикъ, какъ изъ кустовъ выскочилъ сѣрый заяцъ.

Надо было видѣть его радость.

— Покажи мнѣ скорѣе волшебную прялку, — закричалъ сѣрый заяцъ.

Но лишь только Иванъ-царевичъ вынулъ изъ-за пазухи свою волшебную прялку, какъ сѣрый заяцъ сдѣлалъ огромный прыжокъ и ткнулся грудью въ остріе прялки.

И въ ту же секунду совершилось чудо.

Лишь только кровь брызнула изъ тѣла сѣраго зайца, какъ вмѣсто сѣраго зайца передъ нимъ очутилась царевна Ира.

Вся сія, со слезами на глазахъ, прекрасная царевна бросилась къ своему жениху, и они долго обнимали другъ друга, плача счастливыми слезами.

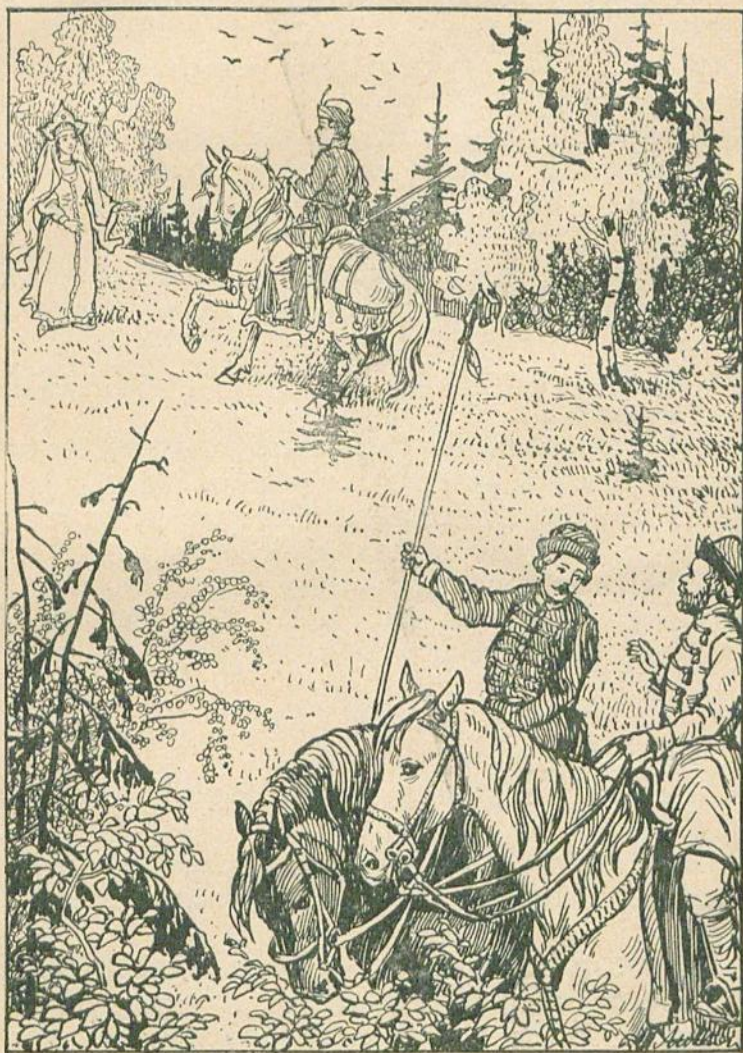
Но когда прошелъ первый порывъ радости, Иванъ-царевичъ вспомнилъ про бурога медвѣдя.

Посадивъ къ себѣ на сѣдло царевну и оставивъ ждать себя другого царевича и витязей вмѣстѣ съ телѣгой на этомъ мѣстѣ, Иванъ-царевичъ поскакалъ назадъ. Но не успѣлъ онъ проскакать и половины пути, какъ увидѣлъ медвѣдя, мчавшагося къ нему навстрѣчу.

— Скорѣе, скорѣе вынь свою прялку, — закричалъ медвѣдь.

И лишь только Иванъ-царевичъ вынулъ ее, какъ медвѣдь, такъ же, какъ и заяцъ, кинулся на нее грудью и, лишь только изъ него брызнула кровь, какъ онъ превратился въ красиваго витязя.

Какимъ-то чудомъ подъ нимъ очутился лихой конь и, весело разговаривая, они пустились въ обратный путь. Захвативъ съ собою оставленныхъ товарищей и те-

лѣгу, оба царевича съ царевной и тринадцатью витязями поскакали дальше и вскорѣ очутились въ царствѣ Тадауша.

Страшно обрадовался царь Тадаушъ, увидавъ свою дочь и долго плакалъ отъ радости, прижимая ее къ своей груди.

Но лишь только Иванъ-царевичъ вступилъ на первую ступень дворца Тадауша, какъ передъ нимъ появилась добрая фея.

— Дай сюда свою волшебную прялку, — проговорила она.

Она взяла изъ рукъ Ивана царевича волшебную прялку и проговорила:

— Наконецъ-то ты освободилась, волшебная прялочка. Лети же теперь и отомсти за свою долгую неволю.

Съ этими словами она выпустила волшебную прялку изъ руки.

Съ быстротой молніи взвилась на воздухъ волшебная прялка и понеслась къ мрачному жилищу грозного колдуна Радая.

Ни крѣпкія стѣны, ни грозная стража колдуна не смогли удержать ее.

Влетѣвъ въ спальню страшнаго колдуна, волшебная прялочка вонзилась въ грудь спавшаго Радая.

Въ ту же секунду грозный колдунъ испустилъ духъ.

Въ ту же секунду исчезъ и его замокъ, а волшебная прялочка стрѣлою понеслась назадъ и легла къ ногамъ феи.

Ласково улыбнулась еще разъ добрая фея Ивану-царевичу и царевнѣ Ирѣ и вдругъ исчезла.

IV.

Пышно отпраздновалъ царь Тадаушъ свадьбу своей дочери.

Онъ далъ такой пиръ, какихъ не давалъ ни одинъ царь, и я тамъ былъ пиво, медъ пилъ, по усамъ текло, а вротъ не попало.

И съ той поры Иванъ-царевичъ и его жена стали жить, поживать да добра наживать, а чудесная прялочка стала прясть золотыя и серебряныя нити, изъ которыхъ ткачихи ткали Ивану-царевичу и царевнѣ Ирѣ и всѣмъ добрымъ людямъ блестящія матеріи для нарядовъ.

